

Ю. Подкорытов

ДЕД КУДЕЛЬКА

И ОГОНЬ ВЕЛИКАН

ЮРИЙ ПОДКОРЫТОВ

ДЕД КУДЕЛЬКА

И ОГОНЬ ВЕЛИКАН

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1967

АВНО это было или совсем недавно — кто знает?

Слушай...

У грозной Молнии трое сыновей было, и каждого Огнём Великаном величали. Старшие к делу при- ставлены были: печи топили, железо варили, машины паро- вые обслуживали — да мало ли огневой работы?

Трудились братья честно. Хорошими помощниками лю- дям были.

Старший Огонь по железу мастером был. Плуги, топоры, грабли мастерил.

Средний Огонь Великан по чугуну искусен: посуду для домашнего обихода делал, фигурки разные чугунные отливал отменно. Для радости людской. Почёт и уважение за работу свою братья имели.

А младший Огонь непутёвым был. Озорник, задира. И принарядиться любил. Носил он одежды красные с голубой и дымчатой отделкой. Дружка-приятеля себе заимел — Крас- ного Петуха, бездельника и забияку. Красный Петух тоже весёлую жизнь любил: только бы на гармонии с колокольчи- ками играть да лихие песни горланить. И Огню Великану это любо.

Ох, и проказничали они! Пустит, бывало, Огонь своего дружка Красного Петуха по крышам крестьянских дворов — через час от хозяйства кучка золы да головёшки тлеют.

А то и на Заповедный лес накинута. Огонь Великан го- рячими ручищами деревья вековые валит, сосны с корнями выворачивает, зверьё из нор да берлог выгоняет. А Красный Петух искры рассыпает, мелкую живность огненным клювом клюёт, жаркими шпорами бьёт. Посевы пшеницы золотой не раз выжигали. Им-то забава, а людям разоренье. Боялись люди младшего Огня Великана, рыжим разбойником звали.

Старшие братья всё время младшего Огня совестили, на работу звали. Да куда там! У братьев фартуки рабочие, про- копчённые, и руки горелым железом пахнут. Сморщится

младший Огонь, отвернётся, лихо тряхнёт кудрями — и опять пошло-поехало.

Красный Петух весёлую песню загорланит:

Тилим-тилим-тилим-бом!
Дым столбом, дым столбом!
Сыплет искрами Огонь,
Лихо пляшет под гармонь.
Гори-гори красно,
Чтобы не погасло!

Узнала грозная Молния о безобразиях этих, разгневалась очень и приказала: Красного Петуха в омуте глубоком утопить, а младшего Огня Великана в камень малый запрягать да и закинуть подальше. В наказание.

Сказано — сделано. Потащили Красного Петуха к омуту глубокому. Упирается Петух, дурным голосом кричит, прощенья в слезах просит. Да не тут-то было.

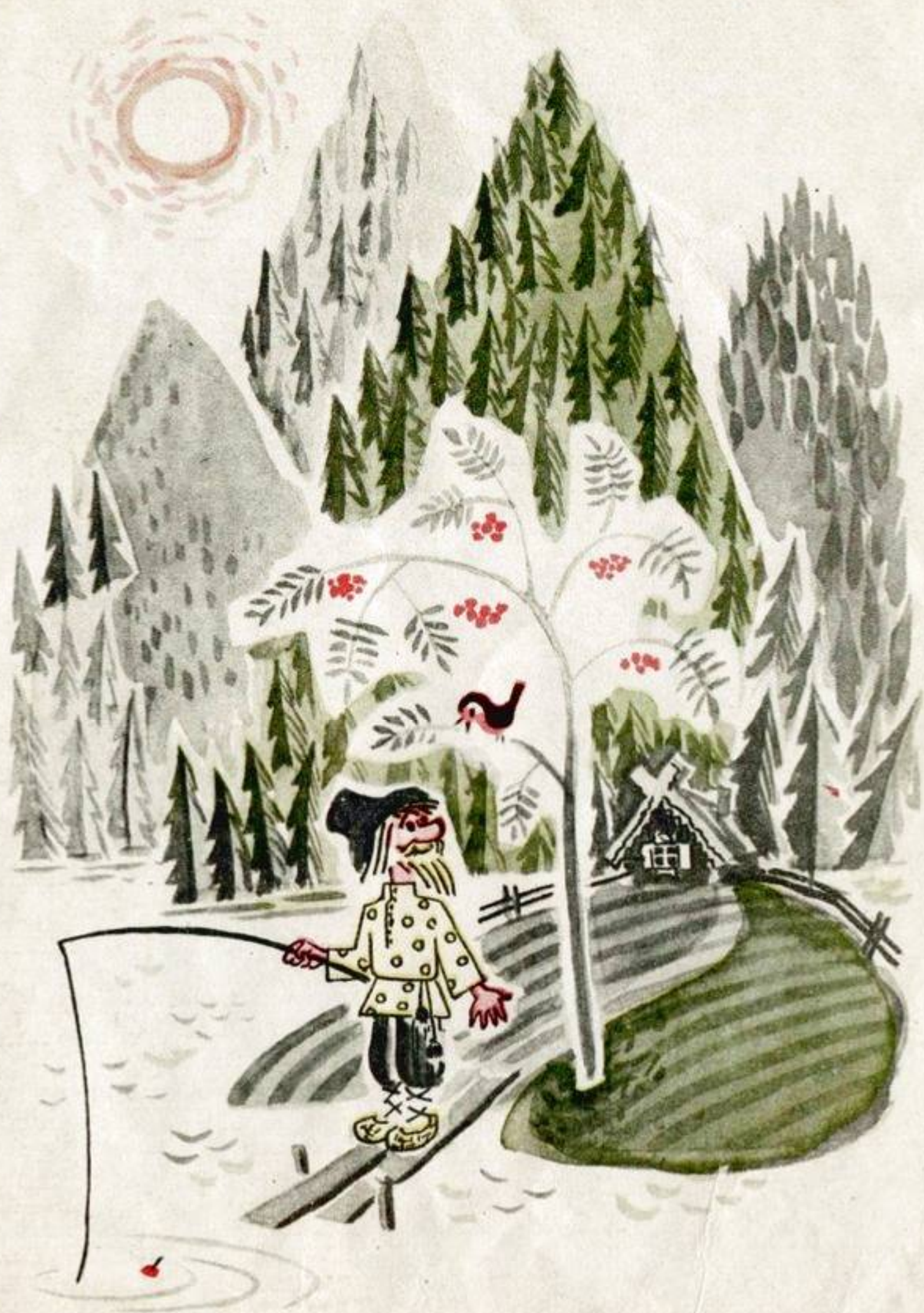
А Огня рыжего бедового в камень малый запрятали да и закинули подальше. Летел, летел камень и где-то в Стране Голубых Озёр в болото шлёпнулся. Только брызги в разные стороны полетели. Один человек это видел, а кто — пока не скажу. О нём речь дальше пойдёт.

Ну, да ладно. Это ведь все присказка шла, а сказку дальше слушай.

Жил в те времена в Стране Голубых Озёр дед Куделька. Смолоду ходил-бродил он по горам, по лесам, все земные кладовые изучил, в травах лекарственных не худо разбирался.

Глаз у Кудельки приметливый, на работу весёлый. Всё у него спорилось, любое дело в руках горело. Да и в мастерстве огневом не в последних числился. Под началом у большого и умного человека был. У него и тайну булата перенял.

Построил он себе на старости лет неказистую избушку в глухой лесной деревушке. К самой горе прицепился. Хоть и мала горница в избёнке, да светла. На стенах пучки трав душистых висят от болезней всяких. Чистота, порядок во всём — каждая вещь своё место знает.

В одно оконце глянешь — раскинулась в мареве зелёном уральская тайга, в которой зверей и птиц несчитано. В другое посмотришь — голубая жемчужина озера глаза слепит. На крылечко выйдешь — слышно, как щука хвостом воду бьёт да рыбью мелочь по камышам гоняет.

А вокруг деревушки — синие горы, заросшие щетиной сосен. Яркими свечками ели горят, качают белыми шапками цветов тоненькие рябины. Прыгая с камешка на камень, падают с гор звонкие речки. Вербы роняют в студёные воды лёгкий пух, а по берегам — непроходимые заросли черемухи.

Народ в лесной деревушке рослый, могучий. Всё больше по горному делу старались, а которые и пушным зверем промышляли. Медведем тоже не брезговали. Ну, и развлечения ради, окуньков да ершей на ушицу таскали.

Уважали деда Кудельку в деревне за мудрость и старость, за советом не раз приходили. А дед Куделька мужикам молодым как бы невзначай подсказывал: такая-то, мол, гора малахитом богата, а в таком-то вот месте золотая жилка пробежала.

Слушай дальше. Скоро сказка сказывается, а время ещё быстрее на ковре-самолёте летит.

Посеребрили годы деда Кудельку, к земле пригибать стали. И сила уже не та, и глаз туманиться стал. Внуки и правнуки ему и дровец на зиму привезут, и еды всякой довольно принесут. Сиди, мол, дедка, на крылечке да на жарком солнышке грейся — ты своё честно отработал. Рыбалкой побалуйся.

А рыболовной снасти у деда много! И жерлицы на щуку зубастую, и на карпа — своя ловушка, и на ерша закидушка.

Старику много ли надо? Почти весь улов соседке-вдове отдавал. Пусть с мальчишкой своим, Пострелом по прозванию, на здоровье едят.

А мальчишка таким непоседливым был — то там, то сям его видят. И всё-то ему любопытно, всё узнать хочется.

Только дед Куделька удочки разложит, Пострел тут как тут. И начинается...

— А на какую насадку чебак берёт? Как кружки на воду ставить? Да как...

— Тише ты, Пострел. Эдак всю рыбу распугаешь. Так и есть — только хвостом и сверкнула.

Удивляется Пострел:

— Да разве рыба слышит?

— А то как же. И разговаривает.

— По-рыбьи?!

— Ага. Вот сейчас карпу ёрш про тебя сказал: вон, мол, Пострел-Семидел к нам на озеро пожаловал.

Мальчишка обиделся было:

— Никакой я не Семидел. Павлушка я.

А дед Куделька хитро щурится:

— А ты посчитай, посчитай, сколько ты дел с утра переделал? Козла Ваську из огорода прогнал — раз, сестрицу Алёнушку умыл — два, коту Яшке молока в плошку налил — три, гусей хвостотиной на луг выгнал — четыре...

— Мамкину чашку разбил — пять, в избе подмел — шесть да в пятнашки поиграл — семь! Ой! И в самом деле — семь! И как это ты узнал, дедка? Ты волшебник, да?

Посмеивается дед Куделька:

— Никакой я не волшебник. Старик обыкновенный. Долго небо коптил — вот и ума накопил.

Не верит Пострел:

— Нет, чудной ты какой-то! И одёжка у тебя непонятно из чего сделана.

— Одежду я себе из горного льна мастерю. В работе удобна и Огня не боится. Стой! Никак щука попалась? Так и есть. Отвоевалась, зубастая! Ну, Пострел-Семидел, бери улов за жабры да тащи домой. Только смотри, не кричи громко, соседа разбудишь. Он поспать, ой, как любит!

И верно. Соседом деда Кудельки никудышный мужичонка был. С рыжеватинкой в волосе да со ржавчинкой в голосе. Верхушкой его прозвали. За десяток дел сразу брался, да ни одного до конца не доводил. Всё верхоглядом. А на язык был подковыристый, занозистый.

Бежит Пострел домой, а сам песенку напевает:

Вот такая рыбина!

Чудо-юдо рыбина...

Проснулся Верхушка. Потягивается, охает, нечесаной башкой крутит. Ругается:

— Лихоманка вас затряси! Поспать не дадут. То петухи орут, то мальчишки песни поют. Ишь, какая рыбина-то! Откуда волокёшь?

— А мне дед Куделька дал, — и похвастался: — я уже с утра целых семь дел переделал!

— Хы, — зевнул Верхушка. — Семь! Да я сразу десять делаю. Вот только не везёт мне... Хоть бы камешек какой дорогой найти — я б тогда...

— Куда тебе! Матушка говорит про тебя — и простого камня не заметишь, пока не запнёшься.

Рассвирепел Верхушка:

— Цыц! Я тебе!

Прогнал Пострела, рассуждает сам с собой:

— Нет, не везёт мне. Десять дел сразу делаю — ни одного не видно. И куда деваются? Эх, разбогатеть бы мне!.. Сегодня опять тот же самый сон видел: иду я будто, а камни дорогие кругом валяются. Играют, переливаются. Однако, что дальше-то было?.. Досмотреть бы надо...

И Верхушка снова завалился спать.

И видит он во сне золотые горы, сундуки, полные дорогих камней, и себя, одетого в бархатный кафтан и новые сапоги со скрипом. «Скрип-скрип», — поют сапоги...

Спит Верхушка и не знает, что к нему Варнак Разбойничек подкрадывается. Усищи у Варнака, что у таракана, — длиннющие, серьга в ухе. Одет в кафтан атласный, шёлковым поясом подпоясан.

Помните, не хотел сначала я о нем рассказывать? Это ведь Варнак Разбойничек подсмотрел, как шлёпнулся возле озера камень, в котором Огонь Великан запрятан.

Умишко-то у Варнака Разбойничка неповоротливый был, однако смекнул, что к чему. Неспроста, думает, камешек-то с неба свалился. Хоть красоты в нём мало, а сила — большая. Гудит в нём рассерженный Огонь, грозит, выпустить требует. Положил Варнак Разбойничек камень в карман и пошёл в деревушку — поживу искать.

Время для разбоя Варнак удобное выбрал: взрослые му-

жики при деле были, а бабы с ребятишками в лес ушли. Одни старики в деревне остались, да Верхушка сны богатые смотрел.

Разбудил Варнак Разбойничек Верхушку:

— Гони золотишко! А не то сей момент поганой жизни решу!

Завертелся Верхушка юлой, упал Варнаку в ноги, сапоги слезами уливает:

— Кормилец! Не погуби! Да откуда у меня золотишко? Гроша ломаного за душой нет. Гол, как сокол.

— Добром не отдашь, сам заберу. Камешек у меня такой есть. В нём Огонь Великан находится. Вот он сейчас тебе бороду маленько подпалит, сразу добро передо мной выложишь!

— А нельзя ли, господин Варнак, деду Кудельке бороду подпалить? Богатющий старик! Чертознай, с Водяным дружбу водит, вон он с рыбалки идёт.

Пнул Варнак Верхушку — брысь! Заверещал Верхушка зайцем и бежать бросился.

А Варнак к деду Кудельке:

— А ну-ка, дед, бросай свои удочки да признавайся, где золотишко да меха дорогие запрятал? Гони богатства!

— Ишь ты, быстрый какой, — отвечает дед Куделька, — богатства своими руками добывают. Вот наши мужики из горы вернутся — научат. У них руки крепкие.

— Да ты что, старый! Я же Варнак Разбойничек, мне и полагается чужими руками жар загребать. Эй, Огонь Великан! Потешь меня забавой молодецкою, узнай у старика, где и что лежит.

Ударил он камнем по камню. Выскользнул искрой Огонь Великан, задышал жаркой пастью:

— Этого, что ли, прижечь? Да мне раздохнуть! Старикашка-то махонький, сгорбленный, сухонький, бородёнка на мочало смахивает. Дохну — он как высохшая берёза запыляет.

Стал Огонь Великан пламенем прижигать, а одёжка у

деда из горного льна сделана — не горит, только ещё белее становится. Огонь Великан вспотел даже.

— Нет, не могу этого зловредного старика осилить. Давай, хозяин, уберёмся отсюда подобру-поздорову. Вернутся мужики, тебе же хребёт наломают. В другом месте лучше погуляем...

— Не рассуждай! Пали его! — орёт Варнак Разбойничек.

В это время Пострел из дома вышел. А с ним кот Яшка. Ростом Яшка был, не соврать бы, с телёнка. Шерсть чёрная, на хвосте белое пятнышко.

— Ах вы, бессовестные! Двое на одного старика! А ну, Яшка, вцепись этому усатому в толстую рожу да все глаза ему выцарапай!

А сам на Огня водой из ковша плеснул. Зашипел Огонь, белым паром укутался и незаметно в камень запрятался. Улёгся в пыли и лежит себе потихоньку.

Кот Яшка вцепился в разбойника, когтями кафтан рвёт, а дед Куделька толстым концом удилица Варнака угощает. Так и прогнали.

Тут и Верхушка осмелел, из-за плетня выскочил. Ну, да на него и внимания не обращают.

Говорит дед Куделька:

— Молодец ты у меня, Пострел! Да и Яшка-кот храбрым себя показал. Вот я его сейчас окуньками награжу, а тебе — сказку.

— Сказку? Про Конька-горбунка или Медной Горы хозяйку?

— Это я тебе в прошлый раз говорил, а сегодня про Страну Голубых Озёр — где мы с тобой живём. Слушай...

В те времена на месте нашего края пустынное место было — ковыль седой да полынь пахучая. Только ветер с волками наперегонки бегал да песни завывал.

И жил здесь человек один, Таганая звали. Трёх сыновей имел: Ишимбай, Сарбай да Селямбай — имена были.

А было у старика Таганая богатства видимо-невидимо.

В сундуках окованных сверх меры наложено. Таганай и сам толком не знал, где и что лежит.

Но больше всего дорожил Таганай саблей своей. Не простая была сабля, нет. Из металла волшебного — булата. Ах, и сабля! То молнией сверкнёт, то птицей взлетит, то голубым огнём вспыхнет.

И жила в тех местах старушонка одна. Вреднющая, завистливая, обличьем на Бабу-Ягу похожа. Уреньгой звали.

Вот и задумала Уреньга саблей булатной овладеть. В чёрных книгах своих вычитала: кто булатом владеет — вечно жить будет. Подговорила она Ишимбая:

— Стариком уже стал ваш отец. Зачем ему такие сокровища? Поделите с братьями поровну. Я вам место пока-

жу, где сундуки Таганаевы лежат, а вы мне сабельку его отдадите.

Ишимбай братьям рассказал, те согласились. Забрались они в потайную юрту старого Таганая. Ишимбай халат отцовский на себя натянул, Сарбай сундуки прихватил, даже железками какими-то не побрезговал — и бежать. А Селямбаю ничего не досталось. Ну, да он и не опечалился. Добрый парень был, не жадный.

А старуха Уреньга радуется — получила саблю булатную. Да радость-то недолгой была.

Таганай как раз с охоты возвращался, сердцем чувствует — неладно дело. Огрел нагайкой коня, налетел степным беркутом на Уреньгу, выхватил у неё саблю свою булатную. Сверкнул булат молнией — окаменела старуха Уреньга, в гору превратилась.

Погнался Таганай за Ишимбаем. А Ишимбаю в халате отцовском бежать трудно, в полах путается. Пот градом льётся, а камешки дорогие нет-нет да из карманов выпадают. Где изумруд падёт — лес зелёный поднимется, где бирюза — озеро голубое засверкает.

Слышит Ишимбай горячий топот коня отцовского, куда деваться? Скинул халат, а на том месте горы выросли. Люди потом их Ильменскими звать стали. Почему? Ну, об этом другой сказ. Взмахнул Таганай саблей, птицей взлетела она, но рубить сына не стал. Пусть бежит! А Ишимбай от стыда сквозь землю провалился.

Знакомый мой, башкир-охотник, рассказывал: и по сей день находят они чёрную кровь ишимбаеву в своей земле. Нафтой её зовут, нефть то есть. Говорил, лучше всякой лучины горит, только копоти много.

Ну, ладно. Погнался Таганай за Сарбаем. А тот жадности непомерной был. Задыхается, а добро из рук не выпускает, железки и те тащит. Известно: глупость да жадность — сёстры родные. Так в степях зауральских и дух испустил.

Бывал я там однажды. Верно — железо прямо из земли выходит.

Взмахнул Таганай булатом, голубым огнём вспыхнула сабля и пропала. От горя и чёрной несправедливости людской окаменел Таганай, в гору высокую превратился. Своими глазами видел, как Луна у него на каменном плече отдыхает.

— Дедка! — подал голос Павлушка. — А как же Селямбай? Ты дальше рассказывай.

— Селямбай? Испугался он гнева отцовского, бежать решил, куда глаза глядят. День бежал, ночь бежал. Остановился на берегу голубой реки Миасс. Понравилось ему это

место. Юрту поставил, изба по-нашему, стал зверя бить, хлеба растить. А теперь это место Челябой зовут. Дошло до тебя, Пострел?

Кончил дедка сказ, а Верхушка — он тут же рядом на травке валялся — и здесь свой нос сунул:

— Сказки все это! И булата этого не было и прочего.

— Эх, ты! — рассердился дед. — В каждой сказке правдинка есть. Любопытствовать надо. Идешь по земле-матушке, так не по верхам гляди, а в оба. Тут она тебе тайный знак свой и объявит. Вон в Коелге, к примеру, белый мрамор из под земли выходит. Люди дворцы понастроят, в красоте жить будут. А возле реки Урал, в степях, так и вовсе из цельного железа гора.

— Так уж из цельного? Вот бы из золота! — насмешничает Верхушка.

Плюнул тут дед:

— Одно звание тебе — Верхушка! Верхушка и есть! Доброму хозяину и железо к месту. Пойдем, Пострел, ушицу варить.

Побрёл и Верхушка к себе домой. Идёт, лаптями пылит, сам с собой рассуждает:

— Прав ведь старый Чертознай! Господи! Богатства-то, богатства-то сколько в земле лежит! А, может, где и сверху валяется?

Задумался Верхушка да и запнулся за камень, в котором Огонь Великан прятался.

— Эй, ты! Выпусти меня из камня! — заговорил огонь. — Одарю несметно!

Перепугался Верхушка. Потом осмелел, торговаться стал:

— А много ли дашь?

— Сколько захочешь — золото, рубины, топазы, хризолиты как жар горят. Хозяина настоящего ждут.

— Я, я настоящий хозяин! — радостно завопил Верхушка, а сам думает: не продешевить бы. — Только как же я вашу светлость из камня выпущу?

— Ударь камень о камень! — приказал Огонь Великан. Ударил Верхушка камень о камень. Выскользнул Огонь из камня малой искрой, упал на сухую траву и стал сил набираться.

Слизнул огненным языком солому с крыши Верхушкиной избушки.

А Верхушка стоит, кланяется:

— Кушайте, ваша светлость, на доброе здоровье!

Сам-то думает: подарит Огонь Великан богатства несметные — новые хоромы построю, из мрамора.

А Огню Верхушкина избёнка — на один зубок.

— Отощал я! — ревёт. — А ты чего стал, рот разинул? Еду мне подавай!

— А как же моё золото, камешки дорогие?

Рассмеялся грозный великан:

— Твоё золото? Ха-ха-ха! Нет твоего золота! Здесь всё моё! Повинуйся! Еду подавай!

— Да у самого со вчерашнего дня во рту маковой росинки не бывало...

Дохнул Огонь Великан на Верхушку горячо — от Верхушки только кучка золы и осталась.

Налетел Огонь горячим ураганом на леса. Грозно косил он огненным глазом на зверей и птиц, пугал их, потрескивая ветками и разбрасывая искры во все стороны.

Растопырил Огонь горячие ручищи и ревёт:

— Всё сокрушу!

Выбежали из избушки дед Куделька, Пострел и кот Яшка. Батюшки мои! Леса и горы чёрным дымом затянуло, в озёрах вода закипела, паром к небу пошла.

— Бессовестный ты, Огонь Великан, — укоряет дед Куделька, — какую красоту губишь!

— Всё моё! — рычит Огонь. — Я здесь хозяин!

— Ладно, — отвечает Куделька, — это мы посмотрим.

Одежду свою из горного льна надел, лопату на плечо и пошёл навстречу грозному Великану.

Закричал Огонь:

— Эй, ты! На колени перед хозяином! Бойтесь меня!

— Бояться-то тебя нечего! А вот работать на себя заставляю, приручу. Силища-то у тебя непомерная. Ну, ничего. Не хозяином грозным будешь — работником послушным.

Взревел Огонь Великан яростно:

— Вот я сейчас лес проглочу, потом и за тебя, козявка, возьмусь.

— Рука не выдаст — Огонь не съест, — отвечает дед.

Стал Куделька лопатой канаву глубокую копать, преграждать путь великану.

А Огонь бушует, жаркой пастью дышит. Ну, а деду Кудельке в одежке из горного льна жар нипочём. Работает, Огню ловушку готовит.

Затрещал Великан, искрами сыпанул, хотел канаву смаху перепрыгнуть, да силёнок не хватило. Упал в ловушку, мельчать стал, а потом и вовсе сизым дымком задышал. Упал перед дедом на колени:

— Не губи, хозяин!

— Губить тебя расчёта нет. Из тебя ещё мастер огневой может получиться. Конечно, за старшими братьями тебе в ремесле не угнаться. Однако малым делом начнёшь — большим кончишь. Ты вот что — иди-ка уху вари, а мы тут с Пострелом обмозгуем, к какому ремеслу тебя определить. Ступай. Слышишь?

Стал Огонь Великан за очаг. Только с непривычки оконфузился — испортил уху. В золе да саже перепачкался — трубочист трубочистом. Стоит, краснеет. Стыдно.

Говорит ему дед:

— Голова-то большая, только ума маловато. Столько лет чугунок мне верой-правдой служил, а ты его враз прожжёг.

— Новый сделаю, — гудит Огонь.

— Скор на словах-то! А на деле как?

— А ты научи. Я понятливый!

— Вот и ладно. Определяю тебя к работе горячей — присматривайся, что к чему. Может, и в мастера, как братья, выйдешь.

Гудит Огонь веселее:

— А кормить будете?

— Не обидим. Старайся только.

Отвели Огню Великану хоромы из особого камня огнеупорного. Ну, дом не дом, больше на печь смахивает, только громадную. Поэтому и называется — доменная. Стал Огонь Великан огневому мастерству учиться. Конечно, и промашки были, без этого не научишься.

Еду ему целыми телегами да маленькими тележками подвозят. Огонь Великан довольнѐхонек, весело гудит в печи, чугун варит.

Павлушка Пострел тоже к огневой работе тянется, про

секреты огненного мастерства у деда Кудельки выпрашивает.

— Всё расскажу, ничего не утаю. Жизнь моя на закат пошла, а тебе, молодому, дела огромные предстоят. Слушай, научу я тебя сталь особенную варить, дорогую — булатную. Из неё саблю сделать — любого врага осилишь.

— А у меня, дедка, совсем другая думка: машины из этой стали хочу сделать, чтобы землю пахали, хлеба убирали да прямо к амбарам привозили.

— Хорошо говоришь, по-хозяйски, — отвечает дед, — мир-то хлебом силен.

Взялись за дело. День и ночь у печи пропадали, только сперва что-то не выходило дело. Не то дед Куделька что подзабыл, не то Огонь Великан с работой не справлялся. Пострел похудел даже, от печи и не отходил. Уж очень хотелось ему булатную сталь получить. Сам кое-чего придумывать стал.

И вот — поди ж ты — получилось! Словно молния сверкающая, побежал по жёлобу металл, голубым огнём вспыхнул, птиц в небеса рвётся. Огня Великана даже испарина прошибла. А Пострел от восхищения слова вымолвить не может. Говорит ему дед Куделька:

— Ну, мастер, по-твоему вышло. Внукам и правнукам своим накажи — такого-то, мол, дня Павлушка Амосов булатную сталь выплавил в огромнейшем числе. Для пользы людской.

И стал Пострел с тех пор сталь особенную варить. Подходит к печи, в огненный глазок заглядывает и — как доктор:

— На что жалуетесь, Огонь? Покажите язык!

А Огонь Великан красным глазом подмигивает и гудит весело:

— Всё в порядке, Хозяин!

